

но простейших «правил игры», скажем — что нехорошо, побывав в гостях, уносить в кармане серебряные ложки. Но когда равновесие мира нарушается, приходит в движение «потенциальная идеология», имеющаяся, в конце концов, у каждого человека.

Поэтому Терезе не безразлично, что Жан живет в роскоши, ничего не делая, хвастает своей игрой на бирже, что у него самодовольный вид человека, который может весь мир положить себе в карман. Любовь долго заглушает в Терезе вспышки отвращения и недоверия. И все же — «что подумал бы Жан, если бы стреляли, что думал он, когда стреляли в рабочих?» Для нее мучителен этот вопрос, мучительна брань Жана по адресу евреев и коммунистов. Тереза не имеет ничего общего ни с теми, ни с другими — и все же она дает Жану пощечину, возмущенная его рассуждениями на эту, казалось бы, безразличную для нее тему.

Что же происходит?

Тереза отвечает сама: «Когда есть люди, которые бьются, невозможно не стать на сторону того или другого. Даже в боксе». И в другом месте: «Идет война... Сегодня это китайцы, завтра — ты или я». Жан несогласен: ему до всего этого нет никакого дела, — пусть выпутываются сами. Он — вообразите! — не желает быть ни на чьей стороне.

Он лжет. Нельзя стоять вне борьбы, она

касается всех. И когда Тереза узнает, что Жан солгал, что в действительности он боролся на стороне тех, кто стреляет в рабочих — она убивает его и, не выдержав пережитого, сходит с ума.

Еще раз: далеко не все вещи в книге Эльзы Триолэ названы по имени, многое в ней расплывчато и затуманено. Но в ней есть властное чувство борьбы, которая касается всех, той борьбы, от которой никто не может отказаться, не став предателем. Это чувствует, хотя бы бессознательно, каждый честный человек, будь он так же далек от политики, как Тереза, — и каждый раньше или позже найдет свое место в этой борьбе.

Этот вывод не поднят, может быть, до степени четкой формулы, но он всюду ощущается в книге как ветер, проносющийся сквозь ее лирические и импрессионистические пестрые туманы.

И всеми тревогами и сомнениями (быть может, падающая бомба повернет, чтобы упасть не на мой, а на соседний дом) и конечным выводом (надо знать, что делать, когда на улицах стреляют в рабочих) книга Эльзы Триолэ задевает за живое широкие слои французских читателей и особенно французской интеллигенции.

Нора Галь

РЕНЭ БЛИК — «ТУМАНЫ МИРА». Изд. Жерминаль, Брюссель, 1938 («Brumes du monde», poèmes par René Blicek. Aux éditions Germinale, Bruxelles, 1938).

Под заглавием «Туманы мира» молодой бельгийский поэт Ренэ Блик опубликовал сборник стихов, написанных с 1931 по 1938 год. Небольшая книга Блика содержит несколько стихотворений, свидетельствующих о несомненном поэтическом таланте автора.

В своем письме в редакцию «Интернациональной литературы» Ренэ Блик сообщает некоторые данные о себе. Ему 29 лет; с 1934 года он состоит членом бельгийской коммунистической партии. В 1931 году им был издан сборник «Поэмы для Элиан», а в 1934 году — «Экспедиция на землю». В своем письме Блик дает первой книге весьма самокритическую оценку: «Поэмы для Элиан» — это чрезвычайно «молодой» сборник, как в смысле технического несовершенства, так и в смысле несовершенства мысли. Это книга по-

эта, еще очень юного, не имеющего никаких знаний, кроме тех, которые могли ему дать школа и университет, не имеющего никакого контакта с жизнью». Во второй книге Блик сделал первую попытку приблизиться к жизни, преодолеть, по его собственному выражению, «мечтательную мистику недовольного мелкого буржуа». Своим первым серьезным литературным выступлением автор склонен считать лишь «Туманы мира».

Путь, пройденный молодым поэтом, лучше всего проследить по его последней книге «Туманы мира». В предисловии к ней он излагает свое кредо: «башня из слоновой кости не знает другой культуры, кроме культуры яда». Он ополчается против тех, «для кого поэзия была только убежищем», средством бежать от жизни. Он высказывается за «иную

поэзию», которая «не уходит от жизни, а напротив — организует борьбу человека, стремящегося создать исторически необходимые условия для того, чтобы утвердить радость жизни». Он выступает за поэзию, которая «является средством воздействия на нас самих и на окружающий нас мир», и предлагает читателям свой сборник, как свидетельство происшедшей в нем эволюции.

Эту эволюцию можно проследить в книге Блика. Стихи, написанные с 1931 по 1934 год, входящие в первый раздел книги, носят еще во многом отпечаток «камерной лирики», полны описаний туманных мечтаний и дум поэта, не свободны от подражательности. Новые мотивы начинают звучать в разделе, озаглавленном «Бои», куда вошли стихи 1934—1936 гг. Подзаголовок раздела гласит: «Моим товарищам — коммунистам». Блик хочет воспеть в лице коммунистов «новый образ мира», «господство людей над древней судьбой, живую плоть наших древних мечтаний». Он говорит о своей юности «беспокойной и тревожной как крик». Обращаясь к коммунистам, он восклицает: «Чем была бы моя жизнь без вас, товарищи!». В стихотворении, которому предпосланы слова товарища Сталина — «идея штурма зреет в сознании масс», Блик говорит о себе: «Я — бсец, товарищи! — настанет наш день, полный ненависти и силы».

Эти боевые мотивы с особой ясностью звучат в последнем разделе книги «Дорожные песни», куда вошли стихи, написанные в 1936—1938 гг. Это стихи о «людях, чьи лица выражают голод, надежду и силу», о «мире, уже расправляющем свои тяжелые камен-

ные крылья». Блик пишет о «коммунистах, помогающих разрывать туманы мира».

Одно из стихотворений раздела носит литературно-полемический характер. Блик выступает в нем против поэзии, чуждой жизни и борьбе. Он благодарит своих товарищей по партии за то, что они «сделали его человеком», приобщив к настоящей жизни и творчеству. Он говорит в этом стихотворении о Шанхае и Мадриде, о грядущей победе человечества.

Одно из лучших произведений раздела, посвященное коммунистической партии, партии Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, помещено в этом номере журнала.

В последних стихах Блика уже нет унылой рефлексии, туманных мистических размышлений его ранних вещей; они свидетельствуют о значительных творческих возможностях поэта.

Небольшая книга Блика — отрадное явление в современной бельгийской поэзии, в которой не так уж часто раздаются молодые, сильные голоса. Тем больше ответственность революционных поэтов Бельгии. В частности, Блику предстоит еще большая и упорная работа над собой. Далеко не всегда на высоте форма его стихов, не всегда удачны образы, сравнения, не всегда выразителен ритм (что особенно важно отметить, так как Блик, подобно ряду западно-европейских поэтов, пишет белым стихом). Одно бесспорно: дальнейший путь творческого развития молодого поэта-коммуниста Рене Блика заслуживает самого пристального внимания.

В. Рубин

АРМАН САЛАКРУ — «ЗЕМЛЯ КРУГЛА». НРФ, Париж, 1938 (Armand Salacrou. «La terre est ronde». NRF, Paris, 1938).

Пьеса Салакру «Земля кругла», поставленная в парижском театре «Ателье», получила весьма высокую оценку левой прессы (см. «Интернациональную литературу», № 1, 1939). Так, Стефан Приасель писал: «Это удивительная пьеса! В момент, когда все чаще наталкиваешься на измены интеллигентов, когда кругом господствуют безволие и дряблость, когда каждый день топчут свободную мысль, «Земля кругла» Армана Салакру кажется чудесной победой искусства».

Указывая, что автор сохраняет некоторые следы своего обычного скепсиса, критик все же считает пьесу крупнейшим достижением передовой драматургии.

Пьеса Салакру — это историческая драма об Италии той эпохи, когда изумленному человечеству впервые открылась истина: земля кругла. Это пьеса о Флоренции времен Лоренцо Медичи и Савонаролы. Однако, историчность пьесы мнимая, и автор сам этого нисколько не скрывает. Заглавие имеет